

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.А. Проскурякова

**КОНЦЕПТ
«ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО»
И ИСТОРИКИ**

Препринт WP19/2012/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2012

УДК 11:32
ББК 87.6
П82

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

П82 **Проскурякова, Н. А.** Концепт «гражданское общество» и историки : препринт WP19/2012/01 / [Текст] / Н. А. Проскурякова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 40 с. – 150 экз.

В работе анализируются концептуальные подходы к определению понятия «гражданское общество», разработанные в рамках философского и социологического дискурса. Выявление фундаментальных постулатов, на которых базируются различные точки зрения на изучаемый объект, проводится с целью выявления степени осведомленности историков о разработках ведущих западных и российских обществоведов по данной проблематике.

УДК 11:32
ББК 87.6

Proskuryakova, Natalia. The concept of “civil society” and historians: Working paper WP19/2012/01 [Text] / N. Proskuryakova ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 40 p. – 150 copies (in Russian).

The article analyzes different approaches to the definition of ‘civil society’ concept worked out in philosophical and sociological discourse. Revealing the fundamental postulates on which various points of view are based is aimed at finding out the degree of awareness of historians about the development of leading Western and Russian social scientists’ thought on the given problematic.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Проскурякова Н. А., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Концептуализация понятия «гражданское общество» в современном общественно-научном знании отличается значительной степенью неопределенности. В ряду факторов, способствовавших складыванию подобной ситуации, не последнее место занимает общее состояние научного социогуманитарного знания, а также внутренняя специфика самого концепта.

В качестве эндогенной предпосылки проблематичности данного понятия выступает, прежде всего, его «производный» характер. Являясь теоретической конструкцией второго порядка, «гражданское общество» в своей интерпретации напрямую зависит от методологических воззрений исследователя на проблему определения такого фундаментального понятия, как «общество». На базе различных трактовок данного концепта вырастают дискуссии об основных элементах «гражданского общества» – индивидах, институтах, общественных отношениях, практиках и сознании, а также различные подходы к рассмотрению дихотомии «гражданское общество – государство». Плюрализм точек зрения относительно базовых онтологических постулатов влечет за собой значительную дифференциацию исследовательских подходов к интересующей нас проблематике.

В качестве другого источника проблематичности понятия «гражданское общество» выступает область его функционирования, расположенная в зоне интенсивной диффузии научного и общественно-политического дискурса, что порождает двойственную интерпретацию «гражданского общества» как теоретико-аналитической и нормативной категории¹. На наш взгляд, неправомерно утверждать, что периодическая актуализация данного понятия в качестве социально мотивирующей и мобилизующей силы препятствует его научно-теоретическому освоению. Однако в данной ситуации, несомненно, что, являясь неотъемлемым элементом политического «словаря», концепт «гражданское общество» требует особо осторожного обращения при его использовании в качестве инструментария научного анализа.

Функционирование понятия «гражданское общество» в качестве нормативной категории, структурирующей социальную активность, тесно связано с его ярко выраженным аксиологическим измерением. Аксиологичность, в свою очередь, порождает еще один комплекс теоретико-методологических проблем. Следуя веберовской традиции, рассматри-

¹ Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25.

вающей «отнесение к ценности» как основную методологическую процедуру, многие исследователи снимают с себя обязанность строгого определения содержания концепта, что явно снижает степень научности исследовательского дискурса.

Очевидно, что проблематичность концепта является следствием плюрализма как на уровне базовых онтологических и гносеологических постулатов, так и на уровне общественно-политических ориентаций. Несмотря на то, что в современном гуманитарном знании плюрализм мнений считается не только важнейшим критерием научности, но и признаком хорошего тона, намеченные тенденции, на наш взгляд, могут быть негативно охарактеризованы в терминах «деструктивного плюрализма».

Выходом из сложившейся ситуации может стать дополнение принципа плюрализма другими основополагающими принципами научного знания, которые зачастую не соблюдаются в работах по рассматриваемой проблематике. Окончательная интеграция концепта «гражданское общество» в собственно научный дискурс возможна лишь на основе глобальной методологической рефлексии онтологических, гносеологических и общественно-политических основ исследовательской деятельности. Выявление фундаментальных постулатов, на которых базируются различные точки зрения, позволит не только в полной мере реализоваться принципу конвенциональности, но откроет широкое поле для конструктивного диалога как внутри научного дискурса, так и в области его взаимодействия с другими символическими системами – философией и идеологией.

Исследование основных тенденций и итоги изучения гражданского общества в западном общественном знании

Литература, посвященная проблеме, рассматривает гражданское общество и в качестве идеальной нормативной конструкции, и как реальный конкретно-исторический феномен. Отсутствие четкой грани между этими двумя аналитическими «оптиками» является отражением коэволюционности развития базовых элементов западноевропейской цивилизации и идеальной модели гражданского общества. В результате прослеживается тенденция к универсализации исторических путей развития Западной Европы и разграничению собственно «гражданского общества»

и его «предпосылочных элементов», заложенных в культуре традиционных обществ, как в области идеального, так и в области материального². Таким образом, черты конкретно-исторического феномена переносятся на более ранние периоды и иные социокультурные условия.

Глобальные трансформационные процессы, происходившие на Западе в период Нового времени и означавшие переход от традиционного общества к обществу современного типа, дали толчок развитию идеи «гражданского общества», которая, в свою очередь, конституировалась в качестве одного из структурных элементов социальной модернизации. Большинство исследователей связывает ее становление с трудами представителей английской эмпирической философии – Т. Гоббса и Дж. Локка. Однако существует точка зрения, согласно которой черты, характерные для позднейшей концепции «гражданского общества», прослеживаются уже в философских трактатах Н. Макиавелли³.

Концептуальные основы теории «гражданского общества» на данном этапе, хронологически определяемом рамками XVII–XVIII вв., заключаются в формуле: «естественное состояние – общественный договор – политическое, гражданское состояние». Фактически понятие «гражданского общества» здесь отождествляется с идеей государства, образованного на основе общественного договора. Причинами этого являются: 1) отсутствие дифференциации и специализации сфер общественной жизни; 2) непосредственное участие политических, правовых и этических отношений в формировании экономических; 3) слабая дифференцированность социальных ролей⁴.

Дальнейшее свое развитие теория «гражданского общества» получила в трудах деятелей французского, шотландского и американского Просвещения. Идеи английских эмпиристов были заимствованы и переработаны такими шотландскими просветителями, как А. Фергюсон, Ф. Хатченсон, А. Смит⁵. Отталкиваясь от естественно-правовой идеи морально и экономически автономного индивида, они отстаивали принципы формального равенства возможностей в экономической (принцип свободной конкуренции) и политической сфере (принцип «беспристрастности») го-

² Капустин Б.Г. [Выступление] // Гражданское общество, правовое государство и право: «круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» // Государство и право. 2002. № 1. С. 25.

³ Голенкова З.Т. Указ. соч. С. 26.

⁴ Капустин Б.Г. Указ. соч. С. 25.

⁵ Сморгунова В.Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы. СПб., 2004. С. 19.

сударства). Отказавшись вслед за Д. Юмом от идеи «общественного договора», они рассматривали «моральное чувство» (Ф. Хатченсон) как основу социального единства. Взглядам шотландских просветителей была во многом созвучна теория «минимального государства», сформулированная американцем Т. Пейном.

Вклад французского Просвещения в формирование понятия и теории «гражданского общества» представлен концепциями Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье, традиционно противопоставляемыми друг другу в аналитической литературе. Если, для взглядов Ш. Монтескье характерна локковская модификация теории «гражданского договора», признающая государственную организацию необходимым условием обеспечения гражданских свобод личности, то концепция «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо, напротив, трактует «гражданское общество» как не противоречивую, самоорганизующуюся систему, оптимальное состояние которой может быть достигнуто только в условиях освобождения от влияния властных структур⁶.

Теория «общественного договора», сложившаяся в XVII–XVIII вв., очевидно, была ориентирована на обоснование тех трансформаций, которые происходили в социальной структуре европейских обществ – разрушения сословно-корпоративной структуры и изменения в этой связи роли государственной власти. Данная теория не только намечала контуры будущего социального конфликта, на основе которого будет происходить дальнейшая концептуализация понятия «гражданское общество» в его противопоставлении государству, но и предлагала принцип разрешения такового, выраженный в вытекающей из естественного права идее согласия как фундаментальной этической предпосылке общественного бытия⁷.

Философское обоснование идеи об этических предпосылках социального единства было дано на исходе XVIII столетия И. Кантом. Согласно И. Канту, практический разум как способность человека действовать на основании безусловных принципов – императивов обеспечивает свободу в человеческом сообществе и лежит в основе «автономной» морали. Однако, чтобы «выйти из естественного состояния», человеку необходимо «подчинится внешнему, опирающемуся на публичное право

⁶ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 42.

⁷ Там же. С. 43.

принуждению», вступив, таким образом, в «гражданское состояние»⁸, предполагающее «гетерономную» мораль. Сочетание автономной и гетерономной морали в рамках формально-правовой организации общества, по мнению мыслителя, должно было обеспечивать «основанную на законе свободу каждого», «гражданское равенство» и «гражданскую самостоятельность».

Наметившиеся в XVII–XVIII вв. противоречия в XIX столетии приобрели форму дихотомий – «государство/общество» и «равенство/свобода», вокруг которых сформировалась классическая европейская теория «гражданского общества». Исследователи констатируют образование в рамках данной теории двух противоположных традиций концептуализации ее базового понятия⁹, единых, однако, в представлении о «гражданском обществе» как «буржуазном»¹⁰.

Либеральная традиция, опирающаяся на труды шотландских просветителей, произведения американской политико-правовой мысли, на работы А. Токвиля и Д.С. Милля, а также на предшествующую общественно-политическую практику англосаксонского «мира», трактовала «гражданское общество» как особую внесударственную сферу социума, системообразующим принципом которой выступал «образ» свободной, независимой, индивидуалистичной и активной личности, реализующей свои гражданские (в основном экономические) права и интересы посредством сети негосударственных ассоциаций¹¹. Классическая либеральная теория в представленных дихотомиях делала акцент на понятиях «свободы» и «общества», строго соблюдая принцип “laissez faire” – невмешательства государства в сферу индивидуальной экономической и социальной активности.

Альтернативной англо-американской (либеральной) выступает германская (развившаяся в социально-демократическую) традиция интерпретации концепта «гражданское общество». У ее истоков стоят такие

⁸ Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 343.

⁹ Голенкова Т.З. Указ. соч. С. 27; Она же. «Заблокированное» гражданское общество в России на современном этапе // Проблемы становления гражданского общества в России: Тезисы докладов и материалы научно-практической конференции. Красноярск, 25–26 апреля 1996 г. / отв. ред. В.В. Сартаков. Красноярск, 1996. С. 14.

¹⁰ Пинетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 2007. С. 18.

¹¹ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 26, 28.

крупные представители континентальной философской мысли, как Г.-Ф. Гегель и К. Маркс. Гегель, пытаясь примирить либеральную и этатистскую идеологии, рассматривал феномены «гражданского общества» и «государства» в качестве последовательных ступеней объективации Абсолютного Духа, реализующих общественный интерес в его групповом (гражданское общество) или всеобщем, универсальном (государство) модусе. К. Маркс, в свою очередь, предлагал решать проблему противостояния государства и гражданского общества обратным способом – путем «обобществления» государства и политики, ведущего к слиянию частной и публичной сфер¹².

По сути, обе концепции, предложенные немецкими мыслителями, представляют собой теоретические модели этатизации общества. Свое дальнейшее развитие этатистская тенденция получила в социал-демократической традиции, концептуализирующей «гражданское общество» как «сердцевину» политической, публичной сферы социума¹³. В основе признания за государством права на регулирование частной сферы с целью поддержания нормального функционирования гражданских институтов и «обуздания» стихии рыночной экономики лежит ориентированность данной традиции на концепт «равенства».

В отличие от «долгого» XIX в. в «быстром» XX в. наблюдается значительное уменьшение частоты употребления понятия «гражданское общество» в научном и общественно-политическом дискурсе. Это заставляет исследователей констатировать снижение интереса к данной проблематике ввиду ослабления или элиминирования (в рамках тоталитарных режимов) связанных с ней социальных конфликтов¹⁴. Наблюдается слияние идеи (в данном случае, идеологии) «гражданского общества» с репрезентативными стратегиями западных либерально-демократических государств и становление в этих странах таких политических и социокультурных феноменов, как «государство всеобщего благосостояния» и «массовое общество».

Реактуализация концепта «гражданское общество» приходится на 80–90-е гг. XX в. Катализаторами данного процесса послужили, с одной стороны, кризис политических режимов Восточной Европы и СССР, с дру-

¹² Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Холодковский К.Г. Концепция гражданского общества: смысл и содержание понятия // Проблемы гражданского общества: Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2003. С. 17; Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н. Указ. соч. С. 18.

гой – дискредитация концепции «государства всеобщего благосостояния» и связанный с этим упадок либеральных демократий и левых политических движений. Обе тенденции развивались на фоне общемировых процессов прогрессирующего социального расслоения, распространения в обществах состояния «аномии», в котором заметная часть граждан, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, а также процессов мировой глобализации¹⁵.

«Бессистемная и разнородная» дискуссия 1980–1990-х гг. о возрождении гражданского общества, по мнению Дж. Коэна и Э. Арато, была тесно связана с предшествующими ей политологическими контрверсами, обсуждаемыми в рамках противостояния приверженцев моделей элитарной демократии (Дж. Шумптер, С.М. Липсет, Р. Даль, Г. Алмонд и С. Верба) и демократии участия (П. Бахрах)¹⁶, сторонников так называемого «ориентированного на права либерализма» (Дж. Роулз, Р. Дворкин) и «коммунитаризма» (Х. Арендт, Ч. Тейлор, М. Уолцер)¹⁷, неоконсервативных апологетов свободного рынка (С. Хантингтон, Ф. фон Хайек) и приверженцев государства всеобщего благосостояния (К. Оффе).

Очевидно, что демаркационная линия между представленными в данных дискуссиях точками зрения проходит в области приверженности участников либеральным или демократическим взглядам. В одном из вариантов либерального дискурса, нашедшем свое выражение в эмпиристских теориях демократии – элитарной, плюралистической, корпоративистской моделях и модели рационального выбора – феномен «гражданского общества» рассматривается как институциональное воплощение борьбы групп общественных интересов, а государство – как инструмент

¹⁵ Гуторов В.А. Современные концепции гражданского общества // Гражданское общество в России: стратегия и тактика его формирования: Материалы научного симпозиума / под ред. В.Г. Марахова. СПб., 2001. С. 14.

¹⁶ Коэн Дж., Арато А. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 24. Эта дискуссия началась в середине 1950-х гг. и позже возродилась как реакция на движение «новых левых» (1960–1970-е гг.) и представляла собой спор эмпириков (приверженцы концепций элитарной демократии) и сторонников нормативного подхода (концепций демократии участия). Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 49.

¹⁷ Данная дискуссия остается исключительно в рамках нормативного подхода, обе стороны стремятся выработать некую убедительную нормативную теорию демократической легитимности или справедливости и правосудия. Разногласие состоит в том, следует ли выводить идею свободы, прежде всего, из индивидуальных прав (правовой либерализм) или же из норм, разделяемых всем сообществом (коммунитаризм). Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 49.

достижения консенсуса между этими группами (Д. Рисмен, Р. Даль, Э. Гелнер, П. Шмиттер).

Э. Гелнер, к примеру, дает следующее определение: «[гражданское общество – это] совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества»¹⁸. Сходной представляется позиция П. Шмиттера, для которого гражданское общество – «система самоорганизующихся посреднических групп, которые: 1) относительно независимы как от государственной власти, так и от частных структур производства и воспроизводства, то есть от фирм и семей; 2) способны принимать решения относительно коллективного действия в защиту или продвижение своих интересов...; 3) но не пытаются подменить собой государственные агентства или частных производителей...»¹⁹. Необходимым условием существования «гражданского общества» авторы считают экономический плюрализм, присущий индустриальному обществу, который, однако, допускает принцип политической централизации, обеспеченный механизмами отчетности и сменяемости²⁰.

Поставленная в XIX столетии проблема гармонизации частного и общественного (выражаемого государством) интереса, приобретшая новое звучание в условиях постиндустриального общества, в западном либеральном обществоведении решается в контексте коммунитаристских теорий (Ч. Тейлор)²¹ и концепций «социального капитала» (Дж. Коулмен, Р. Патнэм). И те, и другие акцентируют внимание на проблеме атомизации индустриального общества и задаче реконструкции межличностных связей индивидов. Согласно Дж. Коулмену, в постиндустриальном социуме реифицированный капитал постепенно утрачивает свое значение, а ему на смену идет капитал «социальный», представляющий собой «потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формулируемый в межличностном пространстве»²². «“Социальный капитал”, –

¹⁸ Цит. по: Холодковский К.Г. Введение // Гражданское общество в России: структуры и сознание: сб. статей / под ред. К.Г. Холодковского. М., 1998. С. 8.

¹⁹ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1996. № 5. С. 16.

²⁰ Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. С. 104, 111.

²¹ Сморгунова В.Ю. Указ. соч. С. 72.

²² Левин И.Б. Гражданское общество в России // Гражданское общество в России: структуры и сознание: сб. статей / под ред. К.Г. Холодковского. М., 1998. С. 33.

пишет Р. Патнэм, – содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие (networks, norms and trust), создающих условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды»²³.

Актуализации проблематики «гражданское общество – правовое государство» в рамках либерального направления общественно-политических наук предшествовала значительная критическая (демократическая) традиция концептуализации данных феноменов. Во многом, именно на разрешении вопросов, поставленных представителями этого социально-философского направления, опиралось конструирование либерального дискурса «гражданского общества». Наиболее весомый вклад в создание критических теорий «гражданского общества» был внесен социальной философией Франкфуртской школы (Ю. Хабермас) и французским постструктурализмом (М. Фуко).

Эвристической ступенью к постановке и концептуализации проблемы «гражданского общества» для философов Франкфуртской школы стало изучение тоталитарных режимов и лежащего в их основании феномена «массового общества» (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, Х. Арндт). Разработанная Х. Арндт концепция «публичной сферы», противопоставленной и области функционирования частного интереса («частной сфере»), и концептуально синонимичной «массовому обществу» «социальной» сфере²⁴, во многом предопределила дальнейшее развитие критической мысли в области проблематики гражданского общества.

Коммуникативный принцип интерпретации феномена гражданского общества как области «непринудительного дискурса» был заимствован у исследовательницы последующими поколениями ученых Франкфуртской школы, в частности, признанным теоретиком «гражданского общества» Ю. Хабермасом. Социальная жизнь, согласно воззрениям этого философа, основана на принципе «рациональной коммуникации», целью которой является достижение компромисса и ориентации на его основе коллективного социального действия²⁵. Человеческая потребность в реализации данного принципа конституирует, по мнению Ю. Хабермаса, публичную сферу жизни социума («общественность»), ограниченную

²³ Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 4. С. 78.

²⁴ Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 255–256.

²⁵ Флиберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // *Социологические исследования*. 2000. № 2. С. 128.

от частной сферы (экономики) и сферы государственной власти, и опосредующую их взаимодействие²⁶. Разделение этих трех сфер происходит на основании абстрактной категории «права», во-первых, легитимирующей государственную власть, во-вторых – обеспечивающей единство граждан «плюралистического общества» в рамках публичной сферы, и, наконец, обеспечивающей защиту частной сферы от публичной и публично-государственной²⁷.

Сформулированной Ю. Хабермасом нормативной (универсалистской) концепции, постулирующей достижение социального консенсуса по «базовым ценностям» в процессе «рациональной коммуникации» в рамках публичной сферы, противостоит генетическое (релятивистское) понимание социальной коммуникации как процесса определения и переопределения иерархий властных отношений, предложенное в работах французского философа М. Фуко²⁸.

Разработанная М. Фуко в русле постструктуралистских теорий концепция «гражданского общества» рассматривает данный феномен в качестве элемента системы технологий власти, возникших в Новое время и выразившихся в дискурсах о человеке и новых дисциплинарных технологиях, которые обеспечивали средство для конструирования нового индивида, сбора информации и контроля над ним. Дисперсный характер власти, присущий модернизирующей западной цивилизации, по утверждению мыслителя, превращает «гражданское» общество в субъект репрессии по отношению к индивиду, одновременно подчиняя это общество анонимной центральной власти, воплощаемой государством²⁹. «Публичная сфера» в трудах М. Фуко выступает ареной борьбы различных властных (групповых) интересов за монополизацию отдельных фрагментов системы социального контроля над индивидом.

Идеи М. Фуко и Ю. Хабермаса легли в основу наиболее распространенных в современном социогуманитарном знании вариантов теории «гражданского общества», среди которых особого внимания заслуживает концепция, сформулированная в работах Дж. Коэна, А. Арато. Являясь продолжателями философской традиции, аккумулированной в трудах Ю. Хабермаса, эти исследователи постулируют дифференциацию гражданского общества от государства и экономики. Они рассматривают сфе-

²⁶ Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 297–298.

²⁷ Фливерг Б. Указ. соч. С. 129; Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 334.

²⁸ Фливерг Б. Указ. соч. С. 129, 133.

²⁹ Коэн Дж., Арато А. Указ. соч. С. 381.

ру общественной коммуникации и добровольных ассоциаций в качестве ядра институтов гражданского общества, признавая за частной сферой статус пространства автономных индивидуальных суждений и концептуализируют институционализацию гражданского общества как процесс, предполагающий стабилизацию общественных институтов на основе прав («абстрактное право»), а также содержащий в себе имманентную тенденцию к демократизации, реализуемую посредством «культуры участия» и «публичности»³⁰.

Обзор основных тенденций эволюции концепта «гражданского общества» в западном обществознании позволяет выявить ряд характерных для современной эпистемологической ситуации особенностей. Несмотря на сохранение определенных элементов западно-центристских и транзитологических концепций, в основном в научном дискурсе утвердилось представление о плюралистичности как фундаментальном онтологическом постулате: западная конкретно-историческая модификация «гражданского общества» больше не рассматривается как эталонная и единственно возможная, признается наличие множества вариантов данного феномена, несущих специфические цивилизационные и культурные особенности в зависимости от региона формирования. На смену универсалистской концепции личности, выстроенной по законам классической рациональности, пришла неклассическая релятивистская концепция субъективности. Социальный актор рассматривается уже не как «атомизированная», «герметичная», самодовлеющая сущность, а в качестве продукта социокультурных детерминаций, реализующихся через процессы социализации. основополагающая для XIX в. дихотомия «государство – гражданское общество» смягчена тезисом о взаимной диффузии составляющих ее элементов.

Основные теоретико-методологические подходы к изучению гражданского общества в современном отечественном обществознании

«Гражданское общество сегодня является одним из центральных герменевтических ключей... Это понятие оказывается своего рода «знаком времени» или концептуальным кодом эпохи...»³¹. Приведенное высказывание

³⁰ Там же. С. 520, 528.

³¹ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 25.

зывание одного из авторитетных экспертов в области интересующей нас проблематики может считаться своеобразным маркером той степени актуализации концепта, которая была достигнута в нашей стране к концу XX в. Огромную роль в этом процессе сыграли общественно-политические изменения рубежа 1980–90-х гг. и последующие социокультурные сдвиги в российском обществе, ставшие фактором резкого повышения интереса к понятию «гражданское общество» как в отечественном, так и западном общественно-политическом дискурсе.

Первыми к освоению данного концепта в нашей стране приступили философы и социологи, однако междисциплинарный характер изучаемого объекта предопределил дальнейшее вовлечение в орбиту исследований представителей других научных дисциплин: политологов, экономистов, правоведов, культурологов и, наконец, историков. Междисциплинарность стала исходной предпосылкой диалога представителей общественных и гуманитарных наук в рамках проблематики «гражданского общества».

Наравне с междисциплинарным подходом значимыми чертами научного осмысления этого понятия стали открытость западно-европейской философской и политологической традиции, а также амбивалентный характер ее рецепции. С одной стороны, 1990-е гг. отличает интенсивное освоение западного теоретического и концептуального «инструментария», с другой – доминирование в научной среде критического отношения к прямому, непосредственному отечественными реалиями заимствованию опыта западных стран, как в области теории, так и в области общественно-политической практики.

На сегодняшний день среди исследователей, чей профессиональный интерес, так или иначе, связан с феноменом гражданского общества, достигнут определенный консенсус относительно его «рабочего» определения. Среди конкретных формулировок наиболее распространенными являются: «совокупность социальных связей или отношений», «сфера жизни общества», «социальное» или «социокультурное» пространство – все они подразумевают под собой концептуализацию «гражданского общества» в качестве определенного типа социальных отношений, практик, реализующихся в институтах, и ценностей.

Однако значительная степень абстрактности принятых формулировок оставляет широкое поле для дискуссий, причем позиции исследователей во многом определяются их общественно-политическими воззрениями.

Условно можно выделить несколько проблем, вызывающих наиболее пристальное внимание.

Одним из первых в ряду дискуссионных стоит вопрос универсальности феномена «гражданского общества» и адекватности применения данного концепта к явлениям, существующим в отличных от западноевропейского социокультурных контекстах. Крайней критической заостренностью в этом отношении отличается точка зрения В.С. Степина, утверждающего, что категориальный аппарат – «гражданское общество», «правовое государство», «права личности» – принадлежит культуре определенного типа и не применим к традиционному обществу³². Близкой к высказанному мнению является позиция И.И. Кальной, определившего «гражданское общество» как «уникальное творчество новоевропейской цивилизации эпохи модерна»³³.

На противоположном «полюсе» находится точка зрения, обозначенная в работах В. Хороса и В.В. Витюка, согласно которой «гражданское общество» представляет собой общемировой феномен, так как основные его институты – семья, община, конфессиональные объединения – присущи любому социуму и функционируют в качестве «извечно существующих предпосылочных элементов»³⁴. Данной позиции во многом созвучно предложенное Л.М. Мамутом определение «гражданского общества» как «ипостаси» любого цивилизованного, то есть социально стратифицированного общества³⁵. Универсальность феномена подчеркивается и в монографии В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, выделяющих различные социокультурные типы общей модели «гражданского общества»: англосаксонский, германо-романский, восточно-европейский, дальневосточный или конфуцианский³⁶.

³² Степин В.С. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 27.

³³ Кальной И.И. Онтологические основания гражданского общества // Гражданское общество: истоки и современность / ред. И.И. Кальной. СПб., 2000. 2-е изд. С. 19.

³⁴ Хорос В. Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 55; Витюк В.В. Состав, структуры и функции гражданского общества как специфической сферы социума // Проблемы становления гражданского общества в России: тезисы докладов и материалы научно-практической конференции. Красноярск, 1996, 25–26 апреля / отв. ред. В.В. Сартаков. Красноярск, 1996. С. 65.

³⁵ Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 98.

³⁶ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень, 2003. С. 111.

Дискуссионной в отечественном общественном знании остается проблема соотношения понятий «общество», «гражданское общество», «государство» и «экономика». Весь комплекс интерпретаций, сложившийся к настоящему моменту, можно систематизировать в рамках трех научных подходов: социологического, политологического и культурологического. Маркером социологического подхода выступает категориальная схема «гражданское общество – государство – экономика». Преимущественное внимание в данном случае уделяется проблеме адекватного разграничения перечисленных феноменов на основе анализа институциональных структур и социальных практик.

Для политологического подхода системообразующей категорией анализа гражданского общества является понятие «вовлеченности» в систему распределения социального властного ресурса. Категориальная схема в этом случае выглядит как противопоставление «публичной сферы», характеризующейся непринудительным типом дискурса по поводу общественного интереса, и «частной сферы» реализации интересов отдельного индивида. В свою очередь, культурологический вариант, преимущественно оперируя в рамках категориальной схемы «индивид – культура – общество», концентрирует основное внимание на специфических системах ценностей и социальных установок, а также определенном типе идентичности, присущих социальной организации, определяемой в терминах «гражданского общества».

Общим для выделяемых подходов является представление о «личности», «индивиде», «человеческой субъективности» как основополагающем, «базисном» элементе функционирования феномена гражданского общества. В зависимости от методологического ракурса анализа исследователями выдвигаются на первый план такие социокультурные «измерения» личности, как социальная активность, социальная ответственность (социологический подход), активистский тип политико-правовой культуры и ориентация на публичную сферу жизни социума (политологический подход), универсалистская система ценностей и тип индивидуальной идентичности (культурологический подход).

Основная масса работ, посвященных проблематике «гражданского общества», может быть отнесена к социологическому подходу, внутри которого возможна повторная дифференциация исследовательских позиций по критерию соотношения концептов «гражданское общество – государство – экономика».

Для ряда исследователей понятия «государство» и «гражданского общества» в их субстанциональном аспекте выступают как синонимичные. Одними из первых, кто выдвинул данный тезис, были М.В. Ильин и Б.И. Коваль, облекшие его в форму яркого афоризма о «двух сторонах одной медали»³⁷. Сходные с ними позиции занимают В.Е. Гулиев³⁸ и Л.С. Мамут. Последний утверждает, что «государство» и «гражданское общество» – «различные типы агрегирования одной и той же человеческой коллективности»³⁹, ставя, таким образом, знак равенства не только между этими концептами, но и приравнивая их к метакатегории «общество». В соответствии с выдвинутым тезисом, исследователь определяет и номенклатуру элементов, входящих в структуру феномена. В качестве «секторов гражданского общества» им выделяются коммерческий, политико-нормативный, религиозно-церковный, некоммерческий сектор, включающий социокультурные институты, и, с определенными оговорками, сектор местного самоуправления⁴⁰.

Однако большинство авторов, занимающихся данной проблематикой (З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, И.И. Кравченко, В.Г. Хорос, А.А. Галкин, К.Г. Холодковский, К.С. Гаджиев, В.А. Четвернин), придерживается иной трактовки соотношения элементов в концептуальной схеме «гражданское общество – государство». Обобщенное определение «гражданского общества», с точки зрения этих исследователей, звучит как сфера социальных отношений, не опосредованных государством. Несмотря на общность базового определения среди ученых существуют значительные разногласия по поводу типологии отношений, включаемых в сферу гражданского общества.

Ряд исследователей основной акцент в изучении рассматриваемого феномена ставит на экономической сфере жизни социума. Данная тенденция, концептуальным фундаментом которой в большинстве случаев выступает та или иная модификация марксистской теории, представлена в работах В.В. Колесникова, А.Х. Бурганова, В.А. Четвернина. Последний связывает возникновение гражданского общества с разделением в индустриальном обществе сфер политической власти и частной собствен-

³⁷ Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. 1992. № 1–2. С. 194.

³⁸ Гулиев В.Е. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 14.

³⁹ Мамут Л.С. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 32.

⁴⁰ Мамут Л.С. Гражданское общество и государство... С. 97.

ности⁴¹. Схожим образом описывает процесс генезиса гражданского общества В.В. Колесников. Институт частной собственности, по мнению исследователя, «создает» и «воспроизводит» экономически независимых лиц, взаимодействие которых в качестве равных социальных субъектов порождает систему отношений, характеризуемых как «гражданское общество» и институционализируемых в качестве «правового государства»⁴².

Противоположной точки зрения придерживаются К.Г. Холодковский и К.С. Гаджиев, исключаящие экономику из числа сфер функционирования исследуемого феномена. К.Г. Холодовский, выделяя основные признаки институтов гражданского общества, на первое место ставит «социальность», интерпретируемую как «ориентацию на социальные интересы и устремления, выражающие отношения между людьми, а не между людьми и вещами»⁴³. Очевидна спорность подобного утверждения ввиду того, что отношения частной собственности также являются отношениями между людьми по поводу вещей. В теоретических построениях К.С. Гаджиева концепт «гражданское общество» содержательно совпадает с социетальной и духовной подсистемами социума⁴⁴.

С исследовательской интерпретацией соотношения элементов в концептуальной схеме «гражданское общество – государство – экономика», очевидно, связана выделяемая авторами номенклатура структурных элементов феномена гражданского общества. Дискуссии по этому поводу подробно освещены К.Г. Холодковским в коллективной монографии «Гражданское общество: структуры и сознание»⁴⁵. Наиболее дебатированным в этой связи остается вопрос о включении в содержание концепта политических структур. Значительная часть авторов признает наличие у феномена гражданского общества политического измерения (И.И. Кравченко, В. Хорос, А.А. Галкин, К.С. Гаджиев, В.А. Четвернин, В.В. Витюк) и считает входящими в его состав политические ассоциации, не обладающие властными функциями⁴⁶. Сдержанной в этом отношении

⁴¹ Четвернин В.А. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 18.

⁴² Колесников В.В. Экономические основания гражданского общества и правового государства // Гражданское общество: истоки и современность / ред. И.И. Кальной. СПб., 2000. 2-е изд. С. 60–61.

⁴³ Холодковский К.Г. Введение. С. 8.

⁴⁴ Гаджиев К.С. Введение в политологию. М., 1993.

⁴⁵ Холодковский К.Г. Введение. С. 9–10.

⁴⁶ Витюк В.В. Указ. соч. С. 65.

выглядит позиция З.Т. Голенковой, выделяющей политический плюрализм лишь как необходимое условие существования гражданского общества⁴⁷.

В общем, основными положениями, характерными для подавляющего большинства исследовательских концепций, бытующих в рамках социологического подхода, являются: 1) признание структурными единицами феномена автономных, добровольных, неиерархичных, горизонтальных ассоциаций, распространенных в той или иной сфере жизни социума^{48, 49}; 2) неперемное наличие правовых рамок функционирования данных институтов, устанавливаемых государством⁵⁰; 3) «гражданская культура» как фундаментальная характеристика сознания социальных акторов⁵¹.

Представление о гражданском обществе как коммуникативной сфере или сфере диалога между различными группами интересов маркирует принадлежность исследователей к политологическому направлению в интерпретации феномена гражданского общества. Испытав определенное влияние Франкфуртской школы и ее концепции коммуникативной сферы, политологическая интерпретация конституируется на базе представления о гражданском обществе как сфере публичной жизни, свободной в той мере, в какой она перестает быть монополией властных элит (В.М. Межуев⁵², С.П. Перегудов⁵³, А.И. Соловьев, А.А. Галкин, Ю.А. Красин).

В теоретической модели исследователей политологического направления гражданское общество выступает в качестве элемента, опосредующего взаимовлияния индивида и государства, снижающего репрессивность нисходящих административных импульсов и аккумулирующего,

⁴⁷ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 34.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Мамут Л.С. Гражданское общество и государство... С. 97; Он же // Государство и право. С. 31; Холодковский К.Г. Введение. С. 8; Витюк В.В. Указ. соч. С. 67.

⁵⁰ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 33; Мамут Л.С. // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 98; Он же // Государство и право. С. 32; Четвернин В.А. Государство и право. С. 18; Витюк В.В. Указ. соч. С. 67.

⁵¹ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 34–35; Холодковский К.Г. Концепция гражданского общества... С. 17.

⁵² Межуев В.М. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 16.

⁵³ Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. 2005. № 2.

интенсифицирующего импульсы, восходящие от индивидов⁵⁴. Таким образом, гражданское общество выражает интересы, не попавшие в сферу публичной политики, и, сигнализируя государству об их существовании, образует вместе с ним коммуникативную сферу взаимодействия частного и общего интересов⁵⁵.

Критерием принадлежности индивида или группы к сфере гражданского общества выступает понятие «вовлеченности» или «заинтересованности» в распределении политической власти. С этой точки зрения «гражданин» – это «добровольный политик», обладающий свободным временем, высоким социально-экономическим уровнем жизни, правом на публичность и персональной заинтересованностью в вопросах власти (В.М. Межуев).

Нацеленность гражданского общества на реализацию частного интереса в изменяющихся социокультурных условиях предполагает различные типы его взаимоотношений с «государством» в зависимости от решаемых контрагентами конкретных задач. А.И. Соловьев выделяет три типа таких взаимоотношений: 1) отношения по принципу властвования и подвластности, в которых государство и гражданское общество выступают выразителями различных групп частных интересов; 2) отношения по принципу управляющих и управляемых, когда государство выступает регулятором общественных отношений на макроуровне, взаимодействуя, таким образом, с социумом; 3) отношения по клиентурному принципу, согласно которому гражданское общество выступает в качестве потребителя, а государство – производителя услуг⁵⁶.

Культурологические концепции гражданского общества концентрируют свое внимание на рассмотрении феномена гражданских ценностей и гражданской идентичности. Как справедливо отметила Л.М. Дробижина, для западных исследований характерно «наложение» концептов политической и гражданской идентичности ввиду исторической синхронии процессов формирования политической нации-государства и становления

⁵⁴ Галкин А.А. Государство и гражданское общество в новых условиях // Политологическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник, 2004. М., 2004. С. 186.

⁵⁵ Красин Ю.А. Интересы и гражданственность // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2003. С. 83.

⁵⁶ Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 31, 34, 36.

самоуправления народа⁵⁷. В отечественном же социально-политическом дискурсе, напротив, преобладает тенденция противопоставления принципов «гражданства» и «подданчества» (самоидентификации типа «властвующий – подвластный»), маркирующая разрыв государственно-го и гражданского самосознания в отечественной интеллектуальной традиции⁵⁸.

Наиболее полно проблематика гражданской идентичности в отечественном общественнознании раскрыта М.Б. Хомяковым в его статье «Идентичность, толерантность и идея гражданства». Гражданская и политическая самоидентификации, согласно автору, представляют собой групповой тип идентичности⁵⁹, выражающий характер ориентации индивида на публичную (политическую) сферу деятельности. Различие между ними заключается в конкретных объектах индивидуальной самоидентификации: в случае с государственной идентичностью в качестве такого объекта выступает один из полюсов институционализированной иерархической системы властных отношений («правитель – подданный», «управляющий – управляемый»). В случае генезиса гражданской идентичности, напротив, возникает ситуация самоидентификации индивида с эгалитарным «политическим сообществом», предоставляющим каждому из своих членов право и возможность определять собственную судьбу⁶⁰.

Система гражданских ценностей стала предметом анализа в ряде работ В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова. По мнению исследователей, «этика гражданственности», являясь структурным элементом «рациональной морали», сложившейся в Европе на протяжении XVII–XX столетий⁶¹, базируется на таких фундаментальных ценностях, как свобода и связанная с ней социальная ответственность; индивидуалистическая ориентация деятельности, уравновешенная солидаристской установкой личности; рационализм мировосприятия, мироощущения и поведения; профессионализм, понимаемый не только как операциональная, но и как мировоззренческая (представления о профессиональном «призвании» и

⁵⁷ Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России: сб. статей / под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М., 2006. С. 12–13.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Хомяков М.Б. Идентичность толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России... С. 40.

⁶⁰ Там же. С. 50, 53.

⁶¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Указ. соч. С. 152.

«служении») характеристика индивида; успех, подразумевающий психологический тип «достижительного человека», активного социального актора; корпоративность⁶².

К культурологической версии теории гражданского общества также может быть отнесена точка зрения Ю.М. Резника, рассматривающего данный феномен как обособленную часть социокультурного пространства, в рамках которой возможна гармонизация и взаимодействие системного и жизненного миров (Ю. Хабермас) с целью реализации «родового предназначения человека», его становления как «Родового Существа»⁶³. Феномен гражданского общества, таким образом, приобретает три измерения: субъективное – уровень индивидуального сознания и поведения, объективное, представленное образцами и ценностями культуры, и интерсубъективное, реализующее через институциональную структуру социума⁶⁴.

Завершая анализ отечественной литературы, посвященной проблематике гражданского общества, необходимо отдельно остановиться на позиции тех исследователей, кто отказывает данному феномену в онтологическом статусе, интерпретируя его как «элемент социального само-описания» (А.А. Глисков⁶⁵), «идеологему» (В.Е. Чирков⁶⁶), «идеальный тип» (П.И. Ванштейн) или эвристический «инструмент» (А.Н. Медушевский). А.Н. Медушевский, отстаивая ценностно-нейтральный подход в понимании гражданского общества, концептуализирует его в качестве «методологического инструмента исследования конкретных социальных институтов и механизмов»⁶⁷. Наиболее радикальной в этом отношении представляется точка зрения П.И. Ванштейна, утверждающего, что как выражение реальных процессов концепт «гражданское общество»

⁶² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень, 2004. С. 9, 29, 39, 50, 68, 79, 101.

⁶³ Резник Ю.М. Социокультурные основания гражданского общества // Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального. СПб., 2002. 2-е изд. С. 131–132.

⁶⁴ Там же. С. 126.

⁶⁵ Глисков А.А. Гражданское общество как категория общественного сознания // Проблемы становления гражданского общества в России: Тезисы докладов и материалы научно-практической конференции, Красноярск, 1996, 25–26 апреля / отв. ред. В.В. Сартаков. Красноярск, 1996. С. 99.

⁶⁶ Чирков В.Е. [Выступление] // Государство и право. 2002. № 1. С. 50.

⁶⁷ Медушевский А.Н. Насколько универсальна модель гражданского общества // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. Вып. 1. С. 24.

неопределим и аморфен, а в качестве идеального типа излишен ввиду наличия более точного понятия «демократическое общество»⁶⁸.

Анализ зарубежной и отечественной историографии по проблемам формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Значительный рост интереса к концепту «гражданское общество» в отечественных общественных и гуманитарных науках, связанных с актуальными проблемами современного социума, в меньшей степени коснулся российской историографии. В основном данным понятием оперируют западные исследователи, отечественные же историки сравнительно редко рассматривают области своего профессионального интереса в аспекте проблем становления феномена гражданского общества, оставаясь в стороне от концептуальных обновлений теоретического «арсенала» общественно-научного и гуманитарного знания.

В западной историографии одной из центральных проблем изучения генезиса гражданского общества в Российской империи является идентификация «носителя» гражданских ценностей, специфических моделей мышления и поведения: в одном случае в этой роли выступает «средний класс», в другом – «гражданская общественность», состоящая из «стратегических элит» («образованных слоев» населения)⁶⁹.

Попытки операционализировать понятие «средний класс» применительно к истории Российской империи предпринимались западными исследователями не раз. Среди них особого внимания заслуживает, вышедшая в 1991 г. под редакцией Э.В. Клоуз, С.Д. Кассоу и Дж.Л. Уэста, коллективная монография «Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public»⁷⁰. Во Введении авторы подчеркивают комплиментарность понятий «средний класс» и «гражданское общество». Последнее

⁶⁸ Ванштейн П.И. Гражданское и демократическое общество – знак равенства?! // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. Вып. 1. С. 73–74.

⁶⁹ Хильдермейер М. Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 г. в сравнительном отношении // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности: Сборник статей / отв. ред. Д.А. Сдвижков. М., 2001. С. 63.

⁷⁰ Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public / W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West. (eds.). Princeton University Press, 1991.

Э.В. Клоуз, С.Д. Кассоу и Дж.Л. Уэст определяют как социальное пространство, располагающееся между институтами семьи и государства (частной и публичной сферой) и предполагающее наличие правовых рамок, определенных ценностей, типа идентичности и гражданской культуры⁷¹.

В качестве структурных элементов гражданского общества, по мнению исследователей, выступают добровольные организации, пресса, профессиональные сообщества, университеты, культурные организации и патронатные связи⁷². В рамках перечисленных социальных структур формируется новый тип идентичности, который, в совокупности с отказом использовать «старые» социальные категории (такие как сословие или аристократия), маркирует не только процесс генезиса гражданского общества, но и возникновение элементов современной социальной стратификации, то есть среднего класса⁷³.

Противники концептуализации истории России в терминах западноевропейской теории «среднего класса» выдвигают на его место «носителя» ценностей гражданского общества и этоса гражданственности социообразовательную и социально-политическую категорию «образованного общества» или «гражданской общественности». В ряду характерных черт, присущих объекту, подразумеваемому под этими понятиями, выделяются: 1) рефлексивное отношение к себе и окружающей действительности; 2) ориентация на сферу политики; 3) критически-оппозиционное отношение к государственной власти, нормативное требование соответствия принципов организации публичной сферы принципам «самоопределяющегося разума»; 4) легитимность⁷⁴. Очевидно, что такой способ концептуализации понятия «гражданской общественности» семантически близок социокультурной трактовке феномена интеллигенции как совокупности интеллектуальных модернизационных элит.

Рассматривая общественность не только субстанциально – как совокупность стратегических элит, но и в качестве «самостоятельно развивающейся, публичной, не требующей самоотверженности, но и не эгоистической деятельности в самых различных объединениях», немецкий историк М. Хильдермайер отводит данному понятию ключевое место в интерпретации процессов становления гражданского общества в Рос-

⁷¹ Op. cit. P. 6.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Хильдермайер М. Указ. соч. С. 58–59.

сии⁷⁵. В свете предложенной Хильдермайером интерпретации феномена общественности раскрывается высокий эвристический потенциал таких направлений исторического исследования, как изучение процессов формирования «стратегически» важной образованной элиты и реконцептуализация на этом основании понятия интеллигенции, тенденции секуляризации культуры и становления трудового этоса («парадигмальным» примером здесь являются исследования старообрядчества), работы в русле новой локальной истории.

Размышление о перспективах применения методов новой локальной истории к отечественному «материалу» второй половины XIX – начала XX вв. позволили соотечественнику М. Хильдермайера – Л. Хэфнеру – сформулировать новационный, во многом альтернативный предшествующей историографической традиции, подход к изучению генезиса гражданского общества в Российской империи. Рассматривая гражданское общество как проект, «способный объединить социально гетерогенные слои населения на основе минимальной артикуляции социальных интересов»⁷⁶, немецкий историк отстаивает точку зрения, что данные интеграционные тенденции могут быть адекватно проанализированы лишь на уровне локального сообщества. Призывая заменить концепт «гражданское общество» понятием «местное общество», Хэфнер делает акцент на процессуальности феномена самоорганизации и, следовательно, большей эвристической эффективности анализа микропроцессов «социации» и локальных общественных практик по сравнению с исследованием «ставших» социальных групп⁷⁷. В программных статьях немецкого историка «местное общество» предстает как «система интерпретации и коммуникации гетерогенных социальных групп, различных дискуссионных пространств и ценностных сообществ»⁷⁸. При идеально-типическом развитии эта система «социруется... в единицу социального

⁷⁵ Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи // Страницы истории. Проблемы, события, люди: сб. статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 218.

⁷⁶ Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum и «местное общество»: В поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России* // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 163.

⁷⁷ Там же. С. 197; Хэфнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в российской империи...* С. 50–51.

⁷⁸ Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum и «местное общество»...* С. 199–200.

действия», коллективного социального актора, реализующего «некий контрпроект либеральной утопии, направленной против давления монархической системы власти»⁷⁹.

Институциональный аспект формирования гражданского общества в Российской империи также многократно затрагивался в работах зарубежных авторов. Неоценимый вклад в развитие данного направления исследований внесли работы Дж. Брэдли, посвященные анализу общественных организаций. Брэдли одним из первых предпринял попытку отойти от интерпретации российского гражданского общества как сферы, системной характеристикой которой является оппозиционность политическому режиму⁸⁰. Исследуя общественные организации, историк изначально акцентировал свое внимание не на взаимоотношениях данных организаций и государства, а на внутреннем механизме их функционирования, что позволило ему сделать вывод о формировании в рамках этих объединений нового типа личности и межличностных отношений, типологически присущих западноевропейскому феномену «гражданского общества»⁸¹.

Симптомом и фактором дальнейшего развития частной инициативы и становления «гражданского сознания», по мнению Дж. Брэдли, стали общероссийские сословные, земские и профессиональные съезды. Они стали свидетельством не только преодоления чувства изолированности и страха перед властью⁸², осознания общегрупповых интересов и повышения квалификации отдельных профессиональных групп, но и «каналами свободного обмена идей»⁸³. Таким образом, в Российской империи сложилась «публичная сфера», в рамках которой общественность могла оказывать влияние на деятельность правительства посредством рекомендательных и критических высказываний⁸⁴.

⁷⁹ Хэфнер Л. *Civil Society, Burgertum и «местное общество»...* С. 204.

⁸⁰ Об оппозиционности гражданского общества в Российской империи см.: Кимбэлл Э. Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. статей / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1992. С. 263.

⁸¹ Брэдли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в до-революционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 85.

⁸² Bradley J. *Russia's Parliament of Public Opinion: Association, Assembly, and the Autocracy, 1906–1914* // Th. Taranovski (ed.) *Reform in Modern Russian History: Progress or Cycle?* Cambridge, 1995. P. 236.

⁸³ *Op. cit.* P. 232.

⁸⁴ *Op. cit.* P. 212.

Исследование институтов и практик, типологически соотносимых с феноменом гражданского общества, в западной историографии тесно связано с представлением о легальности как неотъемлемом их атрибуте. Понятие «легальности» напрямую отсылает к такой актуальной проблеме в изучении имперского социума, как специфика российской правовой культуры.

Рассмотрению правовой культуры различных социальных слоев российской империи посвящены работы Дж. Бёрбэнк. Одним из перспективных источников эволюции российского «гражданства», по мнению американской исследовательницы, являлась имперская система «правового плюрализма», суть которой – в интеграции местных (национальных и крестьянских) судов в государственную судебную систему⁸⁵. В рамках сепаратной юстиции «члены общин (национальных и крестьянских) имели возможность участвовать в интерпретации законов и формализовать свои социальные отношения при помощи судебных учреждений низшей инстанции»⁸⁶, что, безусловно, способствовало становлению представлений о главенстве закона и развитию гражданского самосознания.

В отечественной историографии степень разработанности методологической перспективы, предлагаемой теориями гражданского общества, применительно к анализу проблем развития Российской империи значительно ниже, чем на Западе. За исключением небольшого числа работ (Б.Н. Миронов, сборник под редакцией Б. Пиетров-Эннкер и Г.Н. Ульяновой, А.С. Туманова) проблематика генезиса гражданского общества в Российской империи на сегодняшний день не пользуется особой популярностью ни на уровне обобщающих, ни на уровне конкретно-исторических исследований. Однако, несмотря на эту очевидную непопулярность, в советской и постсоветской историографии существует ряд работ, авторы которых, непосредственно не употребляя соответствующего методологического и концептуального аппарата, рассматривают некоторые явления, представляющие собой структурные элементы модели гражданского общества (общественные организации, местное самоуправление, правовую культуру).

Одним из первых отечественных историков, кто обратил внимание на феномен дореволюционных общественных организаций в рамках

⁸⁵ Бёрбэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей / под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 324.

⁸⁶ Там же. С. 351.

конкретно-проблемного исследования, был А.Д. Степанский. Работая в русле классической марксистской методологии, он определял совокупность легальных общественных организаций и органов местного самоуправления как «единый небюрократический лагерь внутри политической организации российской общественности»⁸⁷. Функциональным предназначением данных институтов, по мнению А.Д. Степанского, являлось, во-первых, комплиментарное дополнение государственных институтов, во-вторых, роль консультативно-совещательных органов⁸⁸. Несмотря на спорный тезис о политическом характере общественных организаций, исключаящий данные структуры из сферы «гражданского общества», многие выводы исследователя представляют значительный интерес и активно используются современной историографией.

В постсоветской историографии тема общественных организаций привлекает все более пристальное внимание, в том числе, благодаря актуализации концепта «гражданское общество» под влиянием западных исследований. Среди вышедших за последнее время работ выделяются монографии Е.А. Дегальцевой и А.С. Тумановой, представляющие противоположные точки зрения в отношении перспектив развития гражданского общества в России. Обе исследовательницы, вслед за А.Д. Степанским, видят причину возникновения и развития общественных организаций в постоянно увеличивающемся разрыве между материальными и духовными потребностями населения и возможностями государства к их удовлетворению⁸⁹.

Е.А. Дегальцева подчеркивает комплиментарный характер общественных организаций (в высшей степени актуализированный в исследуемом ей регионе), их огромную роль в установлении обратной связи в системе «интеллигенция – народ», а также в самореализации социально неприлеглированных групп населения, в первую очередь – женщин⁹⁰. Установление единообразного законодательного регулирования деятельности общественных организаций, по мнению автора, стало «окончательным закреплением альтернативного звена негосударственной структуры в го-

⁸⁷ Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982. С. 89.

⁸⁸ Там же. С. 88.

⁸⁹ Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917). Бийск, 2002. С. 29; Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917. Тамбов, 2002. С. 7.

⁹⁰ Дегальцева Е.А. Указ. соч. С. 74, 96, 114.

сударственной иерархии», таким образом, «отношения граждан с государством впервые стали опосредованы»⁹¹.

Несмотря на констатацию определенных достижений в области развития структур гражданского общества, исследовательница не считает возможным говорить об окончательной институционализации данного феномена в позднеимперский период, поскольку: 1) репрессивный характер правительственной политики и, как ответ на него, политизация общественных организаций не позволили сложиться партнерским отношениям в системе «государство – общественность»⁹²; 2) в результате репрессивной политики государства не сложилась «сфера свободного выражения идей»⁹³; 3) степень политической и общественной активности населения оставалась низкой⁹⁴.

Монография А.С. Тумановой отличается более оптимистичным взглядом на уровень развития феномена гражданского общества в Российской империи. Признаками его становления автор считает распространение концепции «гражданского общества», рост числа добровольных организаций, попытки правительства создать правовую базу функционирования общественных организаций⁹⁵. Сам факт образования общественных организаций рассматривается исследовательницей как признание государством права различных общественно-профессиональных групп на юридический статус и узаконенную сферу свободной деятельности⁹⁶.

Проанализировав правительственную политику по реализации провозглашенного Манифестом 17 октября принципа свободы союзов, А.С. Туманова пришла к выводу, что общественные организации были признаны государством в качестве важного и необходимого элемента общественной жизни. Таким образом, в начале XX в., по мнению исследовательницы, сложились предпосылки для преодоления отчуждения власти и общественности и установления сотрудничества между ними. Препятствия к продуктивному диалогу, считает автор, лежали не в институциональной, а в личностной сфере, поскольку «ценности гражданских свобод не были укоренены в сознании правящей элиты, в особен-

⁹¹ Там же. С. 83.

⁹² Там же. С. 87.

⁹³ Там же. С. 249.

⁹⁴ Там же. С. 251.

⁹⁵ Туманова А.С. Указ. соч. С. 10.

⁹⁶ Там же. С. 28.

ности, бюрократии «среднего звена», в чью компетенцию входило осуществление взаимодействия с общественными организациями»⁹⁷.

Тесно связана с изучением дореволюционных общественных организаций проблема социальных практик, типологически соотносимых с феноменом гражданского общества. Значимой в этом отношении является монография Г.Н. Ульяновой, посвященная феномену российской филантропии. По мнению автора, благотворительность, как социокультурное явление, выступает, с одной стороны, важным компонентом саморегуляции общественного организма⁹⁸, снижающим социальную напряженность путем реабилитации неблагополучных слоев населения, с другой – механизмом самоорганизации и самоидентификации социальных групп⁹⁹. Проведенный исследовательницей анализ позволил утверждать, что «на рубеже XIX–XX вв. в России существовала, находясь в развивающемся состоянии, особая негосударственная сфера социума, где люди могли осуществлять свои гражданские права в неправовом государстве (формально существовавшем до 1905 г.) через самостоятельные организации»¹⁰⁰.

Достаточно спорным является включение в проблематику гражданского общества изучения органов местного самоуправления, ввиду тенденции к их партиципации с государственным бюрократическим аппаратом. Однако, принимая во внимание позицию ряда зарубежных и отечественных социологов, рассматривающих местное самоуправление в качестве структурного элемента гражданского общества¹⁰¹, а также этатистскую специфику российской модернизации, одним из аспектов которой и представляется генезис феномена гражданского общества, следует обратиться к ряду работ, посвященных местному самоуправлению в России во второй половине XIX – начале XX вв.

В отечественной историографии широко распространено представление о децентрализации власти путем введения земского и городского самоуправления, рассматриваемого в качестве одного из критериев становления «гражданского общества»¹⁰². Несомненно, являясь признаком

⁹⁷ Гуманова А.С. Указ. соч. С. 321.

⁹⁸ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи в XIX – начале XX вв. М., 2005. С. 383.

⁹⁹ Там же. С. 10.

¹⁰⁰ Там же. С. 386.

¹⁰¹ Голенкова Т.З. Гражданское общество... С. 28.

¹⁰² Лопушанский И.Н. Гражданское общество: история идеи и ее осуществления // Гражданское общество: истоки и современность: сборник статей / под ред. И.И. Кального. СПб., 2002. 2-е изд. С. 68–69.

движения российского самодержавия в сторону правового государства, факт учреждения общественного самоуправления еще не может считаться маркером наличия в социуме структур гражданского общества. Для доказательства взаимозависимости данных тенденций необходим всесторонний анализ механизмов функционирования земских и городских институтов самоуправления.

Интересен анализ эффективности и качества деятельности земств, а также взаимоотношений земской и коронной администрации, предложенный А.А. Ярцевым. Позиционируя себя сторонником политологического подхода, автор ставит перед собой двоякую цель: развенчать представление о репрессивной правительственной политике в отношении земств и «миф» о земствах как «питомнике российского либерализма»¹⁰³. Исследуя положение земств в трех западно-европейских губерниях (Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской), автор пришел к следующим выводам: 1) законодательное регулирование вызывалось бурным развитием земской деятельности и носило, главным образом, не ограничительный, а нормативно-регулирующий характер¹⁰⁴, 2) как земствам, так и администрации было выгодно сотрудничество, основанное на общей заинтересованности в поднятии благосостояния региона¹⁰⁵, 3) земская деятельность сопровождалась нарастающим уровнем гласности¹⁰⁶.

Таким образом, Ярцев описывает земства влиятельными, вполне независимыми административно-хозяйственными единицами, ограничиваемыми центральной властью лишь в области политической активности, выходящей за рамки определенной законодательством компетенции органов местного самоуправления¹⁰⁷. Несмотря на то что исследователь не оперирует концептом «гражданское общество», его выводы вполне могут быть использованы при построении теоретических моделей данного феномена, одним из измерений которого может стать местное земское самоуправление как сфера отстаивания своих интересов определен-

¹⁰³ Ярцев А.А. Органы земского самоуправления и местная администрация 1864–1904 гг. (на материалах северо-западных губерний России) // Acta Slavica Iaponica. Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University. Vol. 20. 2003. P. 163.

¹⁰⁴ Там же. С. 191.

¹⁰⁵ Там же. С. 189.

¹⁰⁶ Там же. С. 192.

¹⁰⁷ Ярцев А.А. Земство и государственная власть в 1864–1904 гг. (на материалах северо-западных губерний) // Земский феномен – политологический подход: сборник статей / под ред. К. Мацузато. Екатеринбург, 2001. С. 97.

ными группами сельского населения и коммуникации данных групп с властными структурами.

Среди работ, посвященных городскому самоуправлению, специальных исследований, применяющих категориальный аппарат концепции «гражданского общества», нет. Тем не менее пристального внимания заслуживают работы Л.Ф. Писарьковой¹⁰⁸, рассматривающей городское самоуправление как одно из проявлений общественной инициативы.

Исследовательница характеризует городское законодательство 1870-х гг. как «неудачную попытку превратить разделенное на сословия русское общество в гражданское». Неудача правительственной политики, по мнению Писарьковой, выразилась в фактической трансформации имущественно куриального принципа формирования думы в сословный, что предопределило в дальнейшем низкую эффективность данного органа¹⁰⁹. Законодательство конца 1890-х гг., напротив, способствовало рационализации функционирования городского самоуправления, что предопределило рост избирательной активности, качественное улучшение состава гласных, возрождение интереса к данной сфере общественной деятельности¹¹⁰. Однако, как отмечает Л.Ф. Писарькова, высокая престижность и профессионализация городского самоуправления были тесно связаны с его все возрастающей оппозиционностью: «обществом двигало стремление расширить сферу своего влияния и в конечном итоге подменить собой государственную власть»¹¹¹.

Помимо выводов относительно причин развития оппозиционных настроений в «недрах» городского самоуправления, значимыми представляются наблюдения исследовательницы относительно городского хозяйства. Зафиксированный ею переход от концессионного к муниципальному способу ведения хозяйства и последующее превращение городской думы в коллективного предпринимателя капиталистического типа¹¹², дает материал для теоретизирования по поводу распространения институтов «гражданского общества» в экономической сфере жизни российского социума рубежа XIX–XX вв.

Исследования правовой культуры населения Российской империи в отечественной историографии носят достаточно фрагментарный харак-

¹⁰⁸ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 гг. М., 1998.

¹⁰⁹ Там же. С. 263.

¹¹⁰ Там же. С. 265.

¹¹¹ Там же. С. 268.

¹¹² Там же. С. 263, 265.

тер. Наиболее разработанной областью данной проблематики является изучение стереотипов правового сознания и поведения дореволюционного крестьянства. Рассмотрению вопроса о сущности правовой культуры сельского населения империи посвящено монографическое исследование Т.В. Шатковской, где автором была предпринята попытка реконструкции правовой культуры крестьянства и динамики ее изменения на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. на основе анализа объекта, ранее привлечшего внимание Дж. Бёрбэнк – сепаратной волостной юстиции.

Исследовательница подвергает сомнению положение о функциональности традиционной правовой культуры крестьянства в изменившихся социокультурных условиях пореформенной России¹¹³. Т.В. Шатковская фиксирует постепенное изменение правовых установок основной массы населения, происходившее в результате сближения официальной и народной правовых культур благодаря как включению крестьянства в систему бессловной юстиции, так и разрешению применять народные правовые обычаи в низших судебных инстанциях¹¹⁴.

Положительная оценка попыток внедрения в Российской империи единообразной судебной системы дана и в работе А.Д. Поповой. Рассматривая механизмы реализации судебной реформы 1864 г., автор выделяет ряд значимых социокультурных последствий данного мероприятия. Новые судебные учреждения, по мнению исследовательницы, способствовали распространению при помощи гласного судопроизводства правовой грамотности среди населения¹¹⁵, формировали представление о гражданских обязанностях¹¹⁶, способствовали развитию бессловного общественного сознания и в значительной степени его гуманизации¹¹⁷. Все изменения, привнесенные в общественный быт судебной реформой, последовательно трактуются А.Д. Поповой как показатель снижения степени произвола в отношении социально неполноценных категорий населения (женщин, детей, крестьян)¹¹⁸.

¹¹³ Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000. С. 147.

¹¹⁴ Там же. С. 213.

¹¹⁵ Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах»: из истории реализации судебной реформы 1864 г. Рязань, 2005. С. 194.

¹¹⁶ Там же. С. 199.

¹¹⁷ Там же. С. 199, 207.

¹¹⁸ Там же. С. 211.

Проблему ограничения административного произвола рассматривает в своей монографии Е.А. Правилова. Предметом исследования в данной ситуации выступает не правосознание, как в двух предшествующих случаях, а институт административной юстиции, позволяющий «частным лицам в судебном порядке оспорить неправомерные акты публичной администрации и защитить их субъективные права и законные интересы»¹¹⁹. Концентрируя внимание на проблемах реализации принципов законности и соблюдения прав личности в дореволюционной России, автор пытается выяснить степень соответствия политико-правовой системы империи концепции правового государства, касаясь, правда, весьма опосредовано, генезиса правовой культуры общества.

Очевидно, что несмотря на внимание к отдельным аспектам истории Российской империи, концептуализируемым с использованием элементов модели гражданского общества, данная теоретическая перспектива слабо актуализирована в рамках современной отечественной историографии. Это подтверждается и количеством обобщающих работ, использующих данную модель в своих описаниях исторической реальности. Среди них особого внимания заслуживают монография Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства» и сборник статей под редакцией Б. Пиетров-Эннкер и Г.Н. Ульяновой «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи».

Б.Н. Миронов рассматривает генезис гражданского общества в качестве одного из аспектов политической модернизации и увязывает его с процессом становления правового государства. Среди элементов гражданского общества, сложившихся в России, исследователь выделяет «социальные группы, общественные и сословные организации и институты, которые образовывали обособленную самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную власти, но в то же время легитимную, то есть признанную государством и обществом, и которые оказывали влияние на официальную власть главным образом посредством общественного мнения»¹²⁰.

¹¹⁹ Правилова Е. А. Законность и права личности: Административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб., 2000. С. 1–2.

¹²⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. СПб., 1999. Т. 2. С. 110.

Временем зарождения гражданского общества в России Б.Н. Миронов считает последнюю треть XVIII столетия, то есть период формирования оппозиционной общественности, обозначаемой термином «интеллигенция», и независимого от официальной точки зрения общественного мнения¹²¹. Развитие российской государственности на протяжении XIX в. в сторону правового государства, с точки зрения исследователя, способствовало процессу формирования гражданского общества, который можно считать завершенным к началу XX столетия. В числе факторов генезиса гражданского общества Б.Н. Миронов выделяет постоянное увеличение роли права в регулировании социальных отношений и снижения доли насилия в обществе¹²², формирование в среде образованного общества нового политического менталитета¹²³, и, наконец, оформление механизмов, обеспечивающих коммуникацию общественных и властных структур и контроль за последними в виде законодательных учреждений и прессы (после 1905 г.)¹²⁴.

Однако тезис о наличии в Российской империи в начале XX в. оформившихся структур гражданского общества в перспективе событий 1917 г. выглядит весьма дискуссионным, вследствие чего автор вынужден признать неразвитость гражданских институтов в империи¹²⁵. Подобная противоречивость позиции исследователя, чей труд основан на колоссальном корпусе историографического материала, свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии оформившейся традиции интерпретации российских исторических реалий на базе концепта «гражданское общество».

Сборник статей «Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи», подготовленный международным коллективом авторов, на сегодняшний день является одной из наиболее успешных попыток осмысления истории России в данной теоретической перспективе. Во Введении на основании интеграции современных версий неомодернизационных теорий и концепций гражданского общества конструируется теоретическая модель исследования истории России поздней имперского периода.

¹²¹ Там же. С. 262.

¹²² Там же. С. 182.

¹²³ Там же. С. 179.

¹²⁴ Там же. С. 182, 263.

¹²⁵ Там же. С. 181.

Авторами Введения (Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульяновой) феномен «гражданского общества» интерпретируется в нескольких измерениях: как социальное пространство, локализованное «в зоне между государством, экономикой и частной сферой», как тип социального действия, базирующийся на таких ценностных установках, как «представление о всеобщем благе», «самоорганизация», «солидарность», «терпимость», «добровольное принятие на себя ответственности», и, в конечном счете, как социальная цель и проект с утопическими чертами¹²⁶. В свете произошедшего в исторической науке «поворота к культуре» авторы считают целесообразным рассматривать генезис гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX вв. сквозь призму понятия «гражданской идентичности», выступающей «симптомом» и «движущей силой» данного процесса¹²⁷.

Подводя итог историографическому обзору работ, посвященных анализу истории Российской империи в теоретической перспективе становления гражданского общества и правового государства, следует отметить, что, несмотря на ряд интересных попыток интерпретации исторического развития отечественного социума на основании теории гражданского общества, эта проблематика еще нуждается как в методологической, так и в конкретно-проблемной разработке. На наш взгляд, изучение истории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. в свете концепции гражданского общества открывает новые исследовательские перспективы. Применение в качестве концептуального инструментария категорий «гражданское общество», «публичная сфера», «гражданская культура», «гражданская идентичность» помогает по-иному взглянуть на проблемы взаимоотношения общества и государства, политическую культуру и общественное движение в позднеимперский период, а также предоставляет широкие возможности для компаративистского анализа траекторий развития России и западных стран.

¹²⁶ Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г. Указ. соч. С. 16. В своем изложении теории гражданского общества авторы опираются на работу: Hildermeier M., Kocka J., Conrad Ch. *Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West. Begriff, Geschichte, Chancen.* Frankfurt / Main, 2000.

¹²⁷ Ibid. P. 22.

Препринт WP19/2012/01
Серия WP19
Исторические исследования

Проскурякова Наталья Ардалионовна

Концепт «гражданское общество» и историки

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *А.В. Маслова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,3
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1395

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15